

СКАЗКА – ПОВЕРЬЕ – АНТИСКАЗКА

II

Для проверки выводов, сделанных на предыдущем этапе исследования¹ проведем еще одно сравнение, сопоставив текст «Царевич и его жена сорокалетняя змея» с текстом «Яд шулмусихи и сила Бургана». (Мы условно определяем традиционные устные сказания как «тексты», поскольку имеем дело с записью, письменным источником, фиксирующим только «вершины» двух этих образцов фольклора.)

Из наблюдений над двумя нарративами (см. таблицу ниже) становится видно, что алтайский нарратив как по структуре, так и по рисунку мотивов, демонстрирует гораздо больше параллелей с волшебной сказкой, чем уже разобранный нами азербайджанский нарратив. В отличие от классической волшебной сказки рассматриваемый нарратив не имеет четких, однозначных терминов-субмотифем движения – *отлучка, отправка, путешествие, возвращение, прибытие*, которые выступают границами (переходами) между субмотифемами, образующими ядро трех больших мотивем: *нарушение, испытание (подвиг), трудная задача*.

Как отмечалось в предыдущей части, примечательной особенностью алтайской сказки является то, что указанное сходство обнаруживается именно с нарративом, который в качестве *встроенного второго хода*, известен по сказке «Кощей Бессмертный» (Аф. 157).

Сказ про то, как Иван-царевич Кощея Бессмертного убил по преимуществу является типичной *антисказкой* в том смысле, что протагонист наносит вред агонисту (Иван-царевич выпытывает посредством парного персонажа, где находится смерть Кощея).

Подобным образом алтайский нарратив представляет собой *Сказ про то, как охотник шулмусиху убил* (посредством парного персонажа, в роли которого выступает лама, герой узнает про последнее и единственное средство погубить *шулмусиху* – золотую шапку *тирчик*, или шапку тысячи Бурганов; золотой тирчик – топологический эквивалент Кощеева яйца).

Теперь рассмотрим более внимательно в таблицу, составленную по правилам мотивемного деления. «Сказочность» строения и формы мотивов алтайского нарратива более очевидна, хотя он, как принято выражаться в официальных отзывах, и не соответствует всем требованиям, предъявляемым к классической волшебной сказке.

---

¹ См.: Сказка – поверье – антисказка I // *ethnomanuscripts.ru*, 5.07.2020.

	Царевич и его жена сорокалетняя змея ²	35. Яд шулмусихи и сила Бургана ³
	Царь и его сын.	Охотник, его жена и дети.
<i>In</i>	Однажды царевич отправляется на охоту и находит под кустом спящую красавицу (!!!), что не поддается человеческому описанию. Он берет ее с собой. Отец, увидев девушку, пораженный ее красотой, восклицает, что сам бог послал ее в жены сыну. Они справляют свадьбу. Спустя некоторое время царь замечает, что сын чахнет и бледнеет. Он вызывает знаменитых докторов, но никто не может вылечить сына от неизвестной болезни.	Однажды на охоте он видит большую белую юрту на вершине покрытой снегом горы; в ней он находит женщину небывалой красоты. Он забывает все – семью и родину – и остается с ней.
<i>A</i>	Раз заходит во дворец странствующий НИЩИЙ-ДЕРВИШ . Узнав из разговоров слуги, что царевич болен неизлечимой болезнью, он просит разрешения осмотреть его и тотчас распознает, в чем заключается болезнь. Он осмеливается рассказать царю неприятную правду что красавица-жена сына не кто иная, как СОРОКАЛЕТНЯЯ ЗМЕЯ В ОБЛИКЕ ЖЕНЩИНЫ и что живя с ней царевич будет болеть, пока не избавится от нее. В доказательство он советует вечером накормить жену царевича соленым пловом, не оставив в спальне ни капли воды. И пусть царевич запрет двери, а затем притворяясь спящим, наблюдает за женой и тогда он убедится, что она есть змея, а не женщина. Ночью жена превращается в змею, выползает в другую комнату, пьет воду, а затем возвращается в спальню, вновь обратившись в женщину. Царь просит дервиша совета, как избавить сына от жены-змеи. Дервиш учит его сказать ей, что некий дервиш просит хлеба, который был бы по обычаю испечен ею, и, когда она будет сажать хлеб в печь, слуга должен схватить ее за ноги бросить ее в огонь	Однажды красавица предупреждает его, что отныне, подходя к юрте, он должен подать знак каким-нибудь шумом. Охотник нарушает запрет. Он тихо подбирается к юрте. Делает в войлоке небольшой разрез и видит, что у очага сидит СУЩЕСТВО СО СТРАШНЫМ МЕДНЫМ НОСОМ И ЕДИНСТВЕННЫМ ГЛАЗОМ ВО ЛБУ . Он понял, что это шулмусиха. Она отрезает ножом мясо со своей икры и варит его в казане. Охотник покашливает, жена (приняв человеческий облик) выбегает ему навстречу. Наутро, сказав жене, что едет на охоту, он скачет в храм и рассказывает ламе, что сам того не ведая, связался с алмым-шулмусихой. Лама открывает священные книги, бросает кости и говорит, что освободиться от нее можно только с помощью силы Бургана. Охотник должен вырвать у нее волосок и принести ламе.
<i>B</i>	Слова дервиша исполняются в точности. Царевич избавляется от жены, а вместе с ней – от мучившей его болезни (возвращается к прежней жизни).	Охотник дважды пытается вырвать волосок, но она не дает это сделать., даже опьянев от черного арагы. Лама советует проверить (измерить) силу шулмусихи (чтобы знать, как с ней бороться). С этой целью муж должен послать жену добыть зеленую шкуру ягненка и проследить, что она будет делать. С вершины горы в подзорную трубу он видит, что жена, вывалившись в пепле, превращается в синего волка, врывается в тысячное стадо белых овец и уносит единственного желто-коричневого ягненка, а затем, снова вывалившись в пепле опять вытряхивает шкуру ягненка и идет в юрту. Когда охотник входит в юрту жена достает из сундука зеленую шкуру ягненка, переливающуюся подобно радуге. Теперь, по словам ламы, остается ПОСЛЕДНЕЕ СРЕДСТВО победить шулмусиху. Охотник должен попросить жену добыть шапку тысячи Бурганов, которую называют золотой шапкой-тирчик. Перед отправкой она велит к ее возвращению насыпать перед дверью кучу собачьего помета высотой с хадгыыр, ибо возвратится она в виде огня и будет это когда минет три месяца и три дня. Лама велит собрать не собачий помет, а можжевельник. Когда она будет возвращаться (не через три месяца, а через три дня), за ней будет гнаться большой красный огонь. При виде этого огня надо поджечь кучу можжевельника В указанный день, приготовив все, как сказано, ожидает (возвращения шулмусихи)
<i>C</i>		Охотник видит белое облако, а за ним большой красный огонь (прибытие шалмусихи. – <i>ПБ</i>) Он поджигает можжевельник и прячется в отдалении. Шулмусиха несет с собой золотую шапку-тирчик, называемую шапкой тысячи Бурганов. Огонь, преследующий ее, был послан ей вслед Бурганом. У самой кучи можжевельника он кричит: «Ах, так ты хочешь убить меня!» Она бросается прямо в пламя, и красный огонь Бургана накрывает ее сверху. Как только ведьма-шулмусиха уничтожена, молодой охотник вспоминает (возвращает память) о своей жене и детях.
<i>Fi</i>	Царь щедро награждает дервиша и делает его первым визирем в своем царстве.	Он возвращается к ним и с тех пор счастливо живет с ними.

² Фольклор Азербайджана и прилегающих стран. Том 1-ый. Под редакцией проф.А.В.Багрия. Баку, 1930, с.46-48.

³ Сказки и предания алтайских тувинцев. Собр.Э.Таубе. М., 1994, с.245-248.

Впрочем, интересующая нас часть сказки «Кошей Бессмертный» тоже не вполне дотягивает до волшебно-сказочных стандартов. Вероятно, поэтому данный сюжет в русской традиции никогда (?) не исполняется в качестве самостоятельного нарратива.

Отличие сюжетной линии алтайской сказки от русской заключается в том, что *шулмусиха* сама отправляется за своей смертью. Возьмем на заметку: делается это за счет того, что в качестве шаблона используется исполнение кумулятивной сказки родственной русской сказке «Жар-птица и Василиса-царевна» (Аф.169)⁴. Здесь становится видно, в чем ошибались представители финской школы. Сказки не выстраиваются в линию от сюжета к сюжету, но расходятся кругами или волнами по всей поверхности фольклорного пространства. Вероятно, именно это делает окончательно невозможным существование того явления, которое описывается теорией заимствования (несуществование чего-либо – это отсутствие сущности).

Подчеркнем лишний раз, что сюжет невозможно заимствовать, т.е. взять целиком и перенести из одного культурного круга в другой. В момент переноса он растворяется в новой среде, оставляя только особо твердые частицы в виде наиболее ярких *образов*. С этой точки зрения, если прослеживание исторических взаимодействий между различными культурными кругами и становится возможным, то только на уровне отдельных образов, которые слабо поддаются общим закономерностям (конвергенции). Это – азбука ныне изрядно подзабытой теории этногенеза⁵.

Прежде всего, следует отделить *голову*, начальную / исходную ситуацию, если угодно, экспозицию, от *тела* сказки.

Царевич во время охоты в лесу под большим кустом находит красавицу. Пораженный ее красотой, он женится на ней. Однако после свадьбы царевич начинает чахнуть. Царь обращается к знаменитым докторам, но никто не может вылечить сына от неизвестной болезни.

Охотник во время охоты видит на снежной вершине горы большую белую юрту, а в ней он находит небывалой красоты женщину. Он забывает семью и родину и остается с ней.

Итого:

охота, лес / горы, красавица, женитьба / брак.

Главное отличие заключается в том, что царевич не имеет перспектив в качестве протагониста, поскольку неизвестная болезнь является средством обездвиживания сказочного персонажа. Говоря иначе, он заранее, еще до начала

⁴ Возможно, речь идет о варианте (аналоге) русской сказки: волос *шулмусихи* vs перо жар-птицы. – *ЛБ*.

⁵ Речь идет о выделении «этнической специфики», т.е. тех признаков, которые не обусловлены «ни технологической необходимостью, ни природными материалами» (см.: Итс.Р.Ф. Введение в этнографию. СПб., 1991, с.120). В переводе на язык фольклора можно говорить о элементах, которые не обусловлены единством человеческой психики и языка.

самой сказки, выводится из игры. Поэтому первая мотифема имеет эпическое начало и поэтому протагонистом выступает дервиш.

В сущности, если, конечно, не считать отсутствия третьей большой мотифемы, нарратив «Царевич и его жена сорокалетняя змея» есть не что иное, как зеркальное отражение сказки «Несмеяна-царевна» (Аф. 297) по линии *мужское – женское*. Там царевич чахнет от неизвестной болезни, здесь царевна никогда не смеется по неназванной причине. Мало того, сказка «Несмеяна-царевна» - и это понятно, поскольку сказка, все-таки, русская, – обнаруживает еще большее сходство со сказкой «Кощей Бессмертный». Бедняк (ср. нищий-дервиш) дарит деньги мышке, жуку, сому («Дай денежку; я тебе сам пригожусь!»), которые потом «достают» средство излечения царевны, рассмешив ее своими хлопотами вокруг упавшего в грязь перед царевной.

Другой интересный момент. Среди нарративов, окружающих сказку «Царевич и его жена сорокалетняя змея» мы находим прямое соответствие сказке «Царевна-несмеяна», а именно «Сказку о прекрасной белой змее и о царском сыне», где царевич, изгнанный отцом, с помощью помощника-лекаря излечивает царевну от немоты. Лекарь предлагает рассечь царевну надвое, она кричит от испуга и из ее горла выскакивает змея. Эта змея, находившаяся в ее груди, и была причиной ее немоты⁶. В этот круг входит также сказка о лягушке, которая заканчивается на том, что она исчезает после того, как муж сжигает лягушечью шкурку жены, вдруг превратившейся в красавицу («Царевич и лягушка»). Вполне вероятно, что это «заимствование». Но местный сказочник по инерции, именуемой традицией, придерживался местных канонов повествования. Поэтому мотив избавления от жены-змеи через ее сожжение он отождествил с сожжением лягушачьей шкурки жены царевича с последующим ее исчезновением⁷.

Можно сказать, русская сказка о царевне-лягушке, если это действительно она, была рассказана по шаблону местной сказки о сорокалетней змее. Все, что не вмещается в этот шаблон, просто отбрасывается, а точнее говоря, само собой выпадает из повествования. (По всей видимости, если заимствование действительно имело место, мотив сжигания лягушачьей шкурки привлек внимание составителя сказки именно внешним сходством с мотивом сжигания жены-змеи.)

---

⁶ Фольклор Азербайджана и прилегающих стран. Том 1-ый. Под редакцией проф. А.В.Багрия. Баку, 1930, с.30-33.

⁷ Вернемся еще раз к очень странной («страшной») идее рассматривать Красную Шапочку в качестве мертвого ребенка, вернувшегося с того света⁷. Красная Шапочка никому не угрожает, никому не наносит вред своим появлением. Кроме того, добрая матушка, пожелавшая избавиться от пришельца из потустороннего мира в лице своей умершей дочери, должна была бы принять более конкретные меры к ее уничтожению – сожжение или утопление. Именно это и происходит, но с волком в вариантах *сказок о девочке и волке* с благополучным исходом. См. Дети лейтенанта Проппа. Часть II. Шедевры кунстнауки // *ethnomanuscripts.ru*, 15.01.2020.

Теперь, набив глаз, мы начинаем узнавать очертания сюжета о «роковых женщинах» в хорошо всем знакомых русских сказках. Сказка «Царевна-лягушка» (Аф.267) несомненно входит в их число. В финале сказки «Буренушка» (Аф.101) Иван-царевич сжигает гусиную кожу Марьи-царевны, а когда он ее хватает, она оборачивается скакухой (лягушкой), ящерицей и «всякой гадиной». По крайней мере, для меня до сих пор было загадкой, почему Марья-царевна, формально являющаяся символом красоты, чистоты и непорочности, носит внутри себя «всякую гадину». Список таких выворачиваний одних сказок о «роковых женщинах» в другие можно продолжить

По всей видимости, в русской традиции этап создания сказочных нарративов непосредственно от поверий был пройден очень давно. К началу этнографического сбора русских сказок такие сюжеты уже не имели самостоятельного значения. Остались лишь следы этой отдаленной эпохи в виде элементов сказочных сюжетов. В русских сказках, как и в других традициях после изобретения агониста, персонаж, женившийся красавице из ниоткуда, делается протагонистом, а вместо сожжения появляется мотив расколдовывания (есть кого наказывать в конце сказки, – в роли козла отпущения выступает агонист).

В завершение, как выясняется, далеко идущего этюда о сюжетах под индексом АТУ411, представим некоторые наблюдения общетеоретического характера.

Практика табулирования явлений фольклора подтверждает правоту Проппа. Для того, чтобы начать полноценное исследование сказок, касающееся морфологии, классификации и генезиса сказок достаточно нескольких десятков экземпляров, собранных систематическим, неизбирательным способом в границах одного культурного круга (по языкам или ареалам). Можно сказать, морфология сказки – это информация («яйцо»), в которой содержится некая другая информация, а именно: информация о классификации и генезисе сказки. Однако это не отменяет необходимости параллельного изучения некоторого числа других культурных кругов.

Если можно говорить о первобытном синкретизме явлений фольклора, то именно в таком смысле, в каком мы пытались это показать с помощью представленных таблиц. Это явление возникает при трансформации друг в друга явлений фольклора разного вида. Вопрос о происхождении волшебной сказки как отдельного вида фольклора не совпадает с вопросом о происхождении конкретных сказок.

Сюжет АТУ411 приобретает структурные признаки волшебной сказки, эпоса и заговора в зависимости от того, на каких мотивах, следовательно, на каких персонажах, делается акцент в повествовании, а это, в свою очередь, зависит от способа распределения ролей между персонажами. В данном случае мы сталкиваемся с неким подобием принципа неопределенности (что-то вроде

квантовой механики фольклора). При измерении импульса мотивов мы получаем распределение значений с характерной дисперсией, но не можем одновременно точно определить их координаты, т.е. принадлежность персонажам («кто есть кто»). И наоборот, при определении координат утрачиваем возможность точного измерения импульса. Состояние неопределенности явлений фольклора исчезает при условии их перевода на язык классической механики фольклора: три мотивемы – три персонажа. В конечном счете, системой координат мотивов выступает именно персонажная схема *агонист – протагонист – антагонист*.

С указанной точки зрения, волшебная сказка – это вид фольклора с безусловным распределением ролей между тремя основными персонажами. Сказки, подчиняющиеся принципу неопределенности, т.е. «выезжающие» только за счет поэтики, мы будем называть *антисказками*.

Другими словами, антисказка⁸ – это сказка, где в роли агониста выступает протагонист, а в роли протагониста – антагонист, сохраняющий свойство погибать от руки персонажа, формально выступающего в роли протагониста. Ср.: у Шекспира протагонистом не случайно является Отелло (Кощей Бессмертный). Так что, если мы поступим радикально, приняв за чистого протагониста (т.е. жертву *подвоха*) женщину-змею, демоницу или Кощея Бессмертного, то получим структуру мифа или, как вариант, структуру концовки цепного («каплевидного») мифа⁹.

Вернемся к началу. Решение вопроса о происхождении сюжета АТУ411 носит тривиальный характер. При этом трансформация поверий в сказки, точнее, в сказкоподобные сюжеты не является столбовой дорогой для волшебной сказки. Это частный случай (*вторичное искажение* или *сближение* со сказкой других жанров фольклора, в терминах Л.Рёриха¹⁰), который может встретиться тогда и только тогда, когда трехмотивемная, волшебнo-сказочная структура повествования сложилась уже настолько, чтобы служить образцом для подражания, или механического копирования. Пожалуй, это единственный случай, когда можно говорить о мотиве, являющемся так называемым

---

⁸ Сказанное можно рассматривать в качестве дополнения к определению понятия антисказки (сам термин был введен А.Йоллесом). Ранее я уже писал о том, что превратить сказку в антисказку значит перебежать на сторону противника, т.е. сделать героиней сказки «Буренушка» троеглазую сестру, а героем сказки «Королевич и его дядька» – Никанора-богатыря. В примечании к этим словам сказано: «Было бы неверно называть антисказками «сказки с негативным концом», вроде: «Антисказка – элементарно просто построенное повествование: весь смысл его заключен в трагическом исходе, без которого повествование перестает существовать» (см.: Зайцев А.И. К вопросу о происхождении волшебной сказки // Фольклор и этнография. Л., 1984: У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов: 73). В этом смысле, антисказка есть миф или легенда. В сказке антисказки используются только в качестве шаблона, который подобно скрепляющей подписи, стягивает разногеройные сказки, делая их одногеройными (пример – сказка «Али-баба и сорок разбойников», где атаман разбойников выступает в качестве протагониста «антисказки», на которую проецируется сказка, где протагонистом является Али-баба)» (см. Как сложить сказку. Перечитывая «Морфологию сказки В.Я.Проппа // *ethnomanuscripts.ru*, 30/07/2019, с.60, 73).

⁹ См.: Кумулятивные сказки. Историческая морфология сказки – 1 // *ethnomanuscripts.ru*, 02.03.2020.

¹⁰ Цит.по: Зайцев А.И. К вопросу о происхождении волшебной сказки // Фольклор и этнография. Л., 1984: У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов, с.73

«зерном сюжета». Точности ради, следует подчеркнуть, что этот мотив содержится в начальной ситуации или, что то же самое, является ее содержанием. К начальной ситуации можно присоединить или вырастить из нее любой ряд мотивов. В этом главное свойство начальной ситуации, будь то *равновесие, недостача или избыток*.

И еще раз. Так или иначе представляется, что преобразование поверья в волшебную сказку все-таки возможно, но при наличии промежуточной ступени в виде двухмотивного сказания (эпической сказки), которое характеризуется недифференцированностью *агониста* и *антагониста*.

Следы такой трансформации прослеживаются и в других русских – и не только – сказках («Гусли-самогуды», «Снегурочка», «Буренушка», «Сестрица Аленушка и братец Иванушка» и т.п. Но это уже тема отдельного исследования, посвященного *индустрии сказок*.

16 июля 2020 г.